

Спецвыпуск

книжной серии

«Современники и классики». Выпуск 2

СОВРЕМЕННОКИ
И КЛАССИКИ

Коллектив авторов
А. Лямина
Спецвыпуск книжной
серии «Современники
и классики». Выпуск 2
Серия «Современники и классики»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44140427
Спецвыпуск книжной серии «Современники и классики». Выпуск 2:
Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019
ISBN 978-5-00153-105-0

Аннотация

Спецвыпуск книжной серии «Современники и классики».
Выпуск 2

Содержание

Ольга Бубнова	6
Быть поэтом – это гордо, но не для меня	9
Я люблю тебя, жизнь!	11
С чем пришла я на свет этот Божий?	13
Ничто не заменит мне...	15
Ты встречай свою дочь, край родимый!	17
Чувство полёта в облаках	19
Наши пути так близки	21
Урони мне в ладони...	23
Любовь – наша вечная память	26
Моя любовь к тебе	28
Букет роз	31
Мамина шаль	32
Уносят меня мысли в дали...	34
Не обманывай	36
Идёт продолжение	38
Не скупитесь на любовь	40
Я пишу о добре, призываю	42
Окошко	44
Я прошу сегодня Бога...	46
Мои стихи просты, как правда	48
Георгий Бурцев	50
Исход	52

Мой Сахалин	53
Курилы	54
Град Петра	56
Прерванное интервью	58
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Спецвыпуск книжной серии «Современники и классики». Выпуск 2

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Ольга Бубнова

«Родилась 4 мая 1964 года в небольшом городке Давлеканово Башкирской АССР (ныне Башкортостан) в рабочей семье. Окончила среднюю школу № 4 в 1981 году. В 1982 году поступила в Башкирский педагогический институт на факультет иностранных языков. По окончании вуза вернулась в родную школу работать учителем немецкого языка, здесь же до 1997 года также работала завучем, а с сентября 1997 года перешла работать учителем немецкого языка в среднюю школу № 1. В 2013 году ушла на пенсию по выслуге лет, получив за хорошую работу в обучении и воспитании подрастающего поколения почётную грамоту МО РБ в 2005 году, почётную грамоту МО РФ в 2013 году. В 2007 году приняла участие во всероссийском конкурсе «Лучший учитель России» и была отмечена почётной грамотой МО РФ. Литературным творчеством – поэзией заниматься начала в молодости, а более зрелые творческие работы стала писать с 1990 года и продолжаю до сегодняшнего дня. Участвовала в различных поэтических конкурсах всероссийского уровня, печаталась в местной газете «Асылыкуль», в республиканском издании «Перспектива». В 2015 и 2018 годах стала призёром Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». Сегодня я ветеран педагогического труда, воспитываю двух сыновей, один из которых – инвалид I группы уже 26 лет, которому уделяю огромное внимание. Полученные награды за стихи – самый лучший праздник в моей далеко не лёгкой судьбе».

От автора

БЫТЬ ПОЭТОМ – ЭТО ГОРДО, НО НЕ ДЛЯ МЕНЯ

Быть поэтом – это гордо,
Но не для меня.
Быть хорошим Человеком —
В этом суть моя.
Можно так себя возвысить:
Я – поэт, пишу.
Для меня лишь это вздохи,
Я их пропущу.
Возгордиться, не почуять
Под собой земли —
Не по мне всё это точно,
Ведь по ней идти.
И смотреть на всех с зазнайством
Мне не по себе.
Я простая и земная —
Вот присуще мне.
Повернуться и услышать
Голос тех людей,
Кто сочувствия так ищет, —
Это мне родней.
А стихи – творенье Божье —
Для людей писать,
А вернее, дар от Бога,

И не всем понять.
Если я пишу, то знаю:
Бог со мной всегда.
Это он мне посылает
Нужные слова.
Обращаю дар свой Божий
Я ко всем, кто жив,
А кто стих мой прочитает,
Бог к вам будет мил.

29.10.2018

Я люблю тебя, жизнь!

Ты знаешь, жизнь, ещё не признавалась.
Ах, как же я люблю тебя и как ты дорога
Мне, поэтессе, той российской женщине,
Которой русская душа поистине родня.
Жизнь, ты судьбы моей отмеренный отрезок
Кратчайший иль длиннейший – знать мне не дано,
Но я тебя люблю, тобою наслаждаюсь,
Стремлюсь с тобою быть во всём и заодно.
Какая ж ты прекрасная и светлая,
Хоть пятен чёрных много у тебя,
Но я люблю тебя такую вот, вошедшую
В плоть мою, в душу, в сердце и в меня.
Люблю тебя не на словах – на деле,
Борюсь немного даже за тебя,
Стихи тебе я также посвящаю,
Прошу: продлись ещё надолго для меня.
Спасибо, что ты есть, дана была однажды.
Прости, что со своей судьбой в тебе иду,
И всё, что ты давала и даёшь мне в руки, —
За это я тебя благодарю.
Другую жизнь не встречу, точно знаю —
Спасибо и за ту, какая есть.
Мы жизнь, поверь, друг, никогда не выбираем —
Она приходит к людям как благая весть.
Люблю, люблю тебя, жизнь моя грешная,

Пусть я грешна, но всё-таки люблю
Тебя, такую добрую, а может, даже вечную.
Позволь стихи писать, пока ещё живу!

09.12.2018

С чем пришла я на свет этот Божий?

С чем пришла я на свет этот Божий?

Только Богу известно о том,

Но я всё ж появилась однажды,

А сегодня пишу стихотом.

Много лет уж стихов не писала.

Не до них было, правду скажу,

И к стихам я совсем не тянулась,

А теперь в стихострочках живу.

Видно, прежней работы хватило,

Чтоб уйти от стихов далеко,

Отойти от творения Божьего,

Чтобы слово оставить своё.

Не простое словечко, а память

Детям, внукам, любимым, друзьям,

Что когда-то жила и делила

С ними душу свою пополам.

А не это ль дыхание жизни?

От него оставлять и свой след,

Верный, даже немного почётный,

Например проживя целый век!

Что там век – может, вовсе и больше.

Вдруг по изданным книжкам в стихах

Скажут: «Знаете женщину в мире?

Имя ей – поэтесса добра».

Может, скажут, а может, не скажут,
Мне же будет уже всё равно,
А вот стих мой и в нём моё слово
Повторит, может, кто-то ещё.
Нет, не сможет никто повториться,
А верней, повторить взрыв души
Мой и только мой, сильный, открытый,
И его никому не пройти.
Каждый в жизни един в своём роде,
Пусть вот этим гордится всю жизнь,
Вот и я говорю: «Я – такая же,
И никто не порвёт мою нить!»

21.04.2018

Ничто не заменит мне...

Ничто не заменит мне правду,
И правдой стараюсь я жить,
А ложь отрицать я пытаюсь,
В ней вижу лишь чёрную нить.
Ничто не заменит мне радость.
С ней в сердце, в душе хорошо,
А грусть – это чувство печали,
Грустить не хочу ни за что.
Ничто не заменит любовь мне:
Глубокое чувство моё.
Она так сильна, постоянна.
Мне ненависть чужда, как зло.
Ничто не заменит мне веру.
Она мне даёт силы жить
В беде, в счастье, в радости, в горе —
Как можно без веры прожить?
Ничто не заменит надежду
На успех моих творческих дел,
Благ тоже с собой принесёт мне,
И это ещё не предел.
Ничто не заменит мне счастье.
Оно – состояние души,
Полнейшего удовлетворения,
С ним хочется быть по пути.
Ничто не заменит, конечно,

Мою дорогую мне жизнь.
Она коротка, как мгновение.
Не стоит идти с ней на риск.

14.11.2018

Ты встречай свою дочь, край родимый!

Возвращаясь всегда из поездки
В край родимый и в дом свой родной,
Я невольно стихи начинаю
Вам писать, то, что было со мной.
Там вдали всё так чуждо, так странно,
Пребываю я там как чужак.
Всё не так и земля не такая,
Чтоб понять, этим надо дышать.
Дома ж я как в раю, как родная,
Всё мне здесь по душе и как мать,
Выхожу на просторы, гуляю
И дышу от души. Благодать.
Землю трогаю голыми пальцами,
Её чувствую, с ней говорю,
И она мне в ответ намекает:
«Я тебя точно так же люблю!
Не предаю я тебя, дорогая.
Ты – защитница с доброй душой,
Потому я тебя принимаю,
Когда ты приезжаешь домой».
Мне приятно, что ждёт меня дома
Моя близкая сердцу семья
И, конечно ж, земля дорогая,

Хоть топтала её много я.
Ты встречай свою дочь, край родимый!
Не надолго покину тебя.
Приросла к тебе всей я душою.
Знай, что я – патриотка твоя!

21.04.2018

Чувство полёта в облаках

Я хочу улететь в эту бездну,
Где поток облаков через край,
Где сбываются, может, надежды,
Может, там есть неведомый рай.
Рай полёта мечтающих мыслей,
Рай неведомых сердцу дорог,
И глаза, разбегаясь от счастья,
Захлестнули сознания порог.
Счастье, вот оно счастье полёта.
Ангел мне помогает в пути.
Его крылья меня незаметно
Держат в воздухе, просят: «Лети!»
Плавно, тихо лечу над землёю.
Красоты миг стремлюсь вдруг поймать,
В облаках белых неба большого
Я ещё и пытаюсь дышать.
Боже, как же здесь всё так чудесно!
Дай ещё полетать мне чуть-чуть
Птицей счастья, а может, и ангелом,
А на землю поздней возвращусь.
Это чувство волнительно сердцу,
И в душе моей сказочный край.
Дай мне руку, любимый мой, милый,
Я тебе покажу Божий рай.
На земле нет такого, я знаю,

Потому как лечу в облаках.
Здесь другое всё, видишь, другое.
Ангел рядом с тобой в небесах.
Чудо! В мыслях прекрасное чудо —
Высоко в облаках полетать,
Где особое чувство полёта,
О котором лишь стоит мечтать.

27.11.2018

Наши пути так близки

Я просто гуляю сегодня,
И мысль уводит меня
На какую-то снова дорогу,
Где мы с тобой вместе всегда.
Всегда быть с тобой невозможно
И рядом с тобою идти.
Устроена жизнь очень сложно,
Но наши пути так близки.
Они в одну сторону смотрят,
А это, наверно, любовь
Такая простая, несложная,
Другой мне не хочется вновь.
Моя мысль – жить очень долго,
Но только вот рядом с тобой.
Пусть жизнь даже будет нелёгкой
С течением своим и рекой.
Тебя лишь, тебя лишь однажды
Сам Бог ко мне как-то привёл,
И стало тогда всё понятно:
Твоею я буду женой.
Живу много лет, не жалею,
Что судьбы слились заодно,
Лишь только немного робею:
Стареть начала я давно.
А всё потому как здоровье

Подводит меня каждый день.
И это известно тебе лишь,
Каким оно будет чрез день.
Но ты всё сам видишь: стараюсь
Бороться с недугами, жить.
Борюсь за своё и здоровье
И очень люблю нашу жизнь.

02.12.2018

Урони мне в ладони...

Урони мне в ладони
Свою нежность и грусть,
Я приму их подарком
И тихонько прижмусь.
Урони мне в ладони
Чувства, радость, любовь.
Я приму их всем сердцем
И прильну к тебе вновь.
Урони мне в ладони
Свежесть ветра в пути.
Я вдохну его близко,
Чтоб с тобою идти.
Урони мне в ладони,
Что имеешь в душе.
Распахни её шире —
Будет легче тебе.
Урони мне в ладони
Тепло, свет и задор.
Их с большим нетерпением
Запущу я в свой двор.
Урони мне в ладони,
Если хочешь, беду.
Знай, мне это подвластно:
Я её отведу.
Урони мне в ладони

Взгляд твоих ярких глаз.
Их приму отражение,
Улыбнусь в тот же час.
Урони мне в ладони
Свой платочек льняной.
Будет он мне как память
Первой встречи с тобой.

Урони мне в ладони
Рук касание твоих.
Оно, видишь, сжимает
Союз чувств неземных.
Урони мне в ладони
Мир земной красоты.
Утону в нём, растаю,
Буду в вечной любви.
Урони мне в ладони
Роз букет от себя.
Лепестки так прекрасны,
Как любовь вся твоя.
Урони мне в ладони
И колечко своё.
Оно пахнет венчанием,
Так же как и моё.
Урони мне в ладони
Всё, что хочешь ты сам.
Всё возьму без боязни,
Ты ведь мой талисман.
Урони мне в ладони

Божий дар, чтоб писать
Для тебя, мой любимый,
И тебя прославлять.

28.10.2018

Любовь – наша вечная память

Не растает моё сердце, если
Ты уйдёшь в мир иной, как и я,
Ведь любовь наша – вечная память,
Как бы ни была сложна судьба.
Мы её берегли и старались
Не разрушить при жизни своей,
Собирали её по крупичам,
Как в венчании Бог нам велел.
Всё легко не давалось ведь в жизни,
А спасала нас только любовь,
Откровенная и причём очень сильная,
О которой мечтает любой.
Если честно сказать, и не думала,
Что достойна я стану любви
Настоящей, конечно, божественной,
Потому и пишу вам стихи.
Это чувство совсем не утрачу,
Потому что есть память во мне,
Не короткая – вечная память
О любви моей светлой к тебе.
Помни, милый, меня, как считаешь
И как ценишь ты нашу любовь.
Постарайся меня так же встретить
В ином мире когда-нибудь вновь.

08.12.2018

Моя любовь к тебе

Моя любовь к тебе открытая, как книга,
И в ней тебе сейчас посвящены страницы.
Не много и не мало, но личные страницы,
В них состояние чувств и нет там небылицы.
Моя любовь к тебе вся чистая, как снег,
И белая, нет здесь и тёмных пятен,
А потому как ты меня не раз спасал от бед
От жизненных, и очень даже страшных.
Моя любовь к тебе глубокая, как дно,
Дно моря, океанов, их просторов.
До них добраться сложно, нелегко —
Вот так же, как и до моей любви глубокой.
Моя любовь к тебе желанная, как жизнь.
Пусть будут даже в ней свои преграды,
Но я тебя хочу, желаю с тобой жить,
Достичь прекрасного здоровья как награды.
Моя любовь к тебе сердечная, как пульс,
И бьётся учащённо, если провожаю
Тебя в далёкий очень трудный путь,
Когда обратно и с дороги я встречаю.
Моя любовь к тебе как постоянный мост,
Соединяющий меня с тобой, где только можно,
Я чувствую тебя своей душой, мой дорогой,
И не позволю никому разрушить мост любовный.
Моя любовь к тебе признательна как взгляд,

Который ты бросаешь мне так часто
И я его читаю просто, наугад
И узнаю его, о чём он так мечтает.
Моя любовь к тебе взаимна, как доверие,
И искренность твоя ко мне не пропадёт.
Я отвечаю откровенностью тебе и только.
Любовь такая, знаю, крылья обретёт.

Моя любовь к тебе как тайное желание
Быть только вместе и ни с кем его делить.
Давно мы знаем его смысл и секреты
И будем бережно до гроба их хранить.
Моя любовь к тебе красивая, как слово,
И слов прекрасных много у любви моей,
Но есть ещё добротные твои дела к словам тем,
Их не измерить мерой никакой, ничем.
Моя любовь к тебе и сильная, как ветер,
Пусть с ним она мне много гонит туч,
Но рядом, знаю, ты, мой самый лучший путник,
Поможешь разогнать их и отвести беду.
Моя любовь к тебе и страстная порою,
Буквально как тот страстный поцелуй.
А разве это плохо? Жизнь прекрасная.
Когда балую им тебя, меня и ты балуй.
Моя любовь к тебе и вечная, как время,
Которое стремится быстро так спешить.
В моей любви к тебе помех не существует.
Она, я чувствую душою, будет вечно жить.

01.12.2018

Букет роз

Как прекрасно и как неожиданно
Букет роз предо мной на столе,
Нежных, ярких и цветом насыщенных,
Речь ведет о твоей любви мне.
Как приятно и даже чуть сказочно,
Что как будто в стране я цветов
И твой взгляд в них буквально загадочный,
Ты – моя, ты – моя лишь любовь.
Принимаю твой взгляд, твои розы
От души и от сердца к себе
И в ответ тут же я посылаю:
«Как же я благодарна тебе.
За внимание, чувство, заботу,
Что оказываешь мне ты всегда.
Так прими ж поцелуй мой достойный,
Как же сильно люблю я тебя!»
Мне известно, букет не последний
В моей жизни, что Богом дана,
И секрет у любви нашей тайный
Знаем только вдвоём: ты и я.

16.12. 2018

Мамина шаль

Прошло много лет, как не стало уж мамы.
Покоится мама давно уж в земле,
А я вспоминаю её, поминаю,
И мамина шаль у меня на столе.
Я помню, когда ты её подарила
На долгую память, сказав мне тогда:
«Носи, дочка, шаль мою, пусть согревает
Твоё тело в сильный мороз, в холода.
Ещё вспоминай меня долго и долго,
Пока надеваешь её на плечо,
А может, сложив её вдвое, прикроешь,
Когда голова вдруг замёрзнет, лицо.
Она тебя в жизни особо согреет,
Твою душу, сердце, конечно, и дух,
Напомнит тебе обо мне незаметно,
Пока не износится в ней тёплый пух».
Ах, мамочка, милая, что ты, не знаешь,
Как долго твои я подарки храню?
Пусть даже износится шаль, не посмею...
Её уберу в свой комод, сохраню.
Быть может, придётся мне ей принакрыться,
Когда буду старой совсем в жизни я,
Когда мои ноги совсем околеют,
А шаль твоя снова согреет меня.
С тобой, знаю, встречусь на том, ином свете,

Тебе расскажу о подарке твоём:
«Он был самый тёплый и нужный всё время,
Согрел даже души всех близких, мой дом».

26.10.2018

Уносят меня мысли в дали...

Уносят меня мысли в дали
Давно тех всех жизненных лет,
Когда за столом мы сидели
И кушали вкусный обед.
Родных, близких мы поминали,
О смерти вели разговор
И с мамой тогда размышляли:
«А смерть для людей ведь как вор.
Ворует, к себе прибирает,
Считаться не хочет ни с чем,
А просто берёт, забирает
Людей навсегда, насовсем».
И мама, меня тихо слушая,
Сказала тихонечко мне:
«А я умирать не боюсь.
Что всем, так же будет и мне».
И вот каждый год вспоминаю
В один день всё те же слова,
Что мама сказала когда-то,
А мама уже умерла.
Поминки по ней я справляю
Свечу поминальную жгу.
Спи, мамочка, спи, дорогая,
К тебе я когда-то приду.
Нескоро, надеюсь, нескоро.

Ещё много дел у меня
Вот здесь, на земле моей светлой,
А ты помолись за меня.
И я за тебя помолюсь-ка
Не раз всё за тем же столом,
Когда мы обедали вместе
Так часто и были вдвоём.

03.12.2018

Не обманывай

Не обманывай себя:
Будет неприятно
Дальше в жизни и в пути,
Где не всё понятно.
Не обманывай людей:
Они всё заметят.
Не утешит их обман,
Тем же и ответят.
Не обманывай и жизнь.
Она так прекрасна,
Но коварна и строга.
Ей, знай, всё подвластно.
Не обманывай вообще
Никого на свете.
Обман – зло и только зло,
Злой поступок в деле.
А решать тебе всегда,
Человечек милый.
Обман – ложная игра,
Иногда под силу.
Не советую тебе
С ней играть и далее.
Ложь, обман – одно и то же,
Никому не надобны.
Помнишь, как просты слова

Об обмане сложены:
Далеко с ним не уедешь,
Жизнью нам пророчены.

30.11.2018

Идёт продолжение

Влюбляются люди и женятся
И деток рожают на свет,
И снова идёт продолжение,
И жизнь начинает разбег.
Потом детство, юность, взросление,
А с ними учёба, каприз.
И снова идёт продолжение
С названием «Прекрасная жизнь».
Потом с появлением работы
Затраты на жизнь, на еду,
И снова идёт продолжение:
«Прекрасную жизнь я люблю».
Потом, может, даже успехи
В работе, в карьере, в любви,
И снова идёт продолжение:
«Прекрасная жизнь. Не глупи».
Потом ещё больше желаний
Иметь много денег, авто,
И снова идёт продолжение:
«Прекрасная жизнь заодно».
Потом обзавестись и семьёю
Кому-то захочется вдруг,
И снова идёт продолжение:
«Прекрасная жизнь вся вокруг».
Потом появление внуков,

С годами и зрелость, и шик,
И снова идёт продолжение:
«Прекрасна заботная жизнь».
Потом не успеешь увидеть,
Как старость подкралась уже.
Тихонько идёт продолжение:
«Здоровой нет жизни в тебе».

Потом и глубокая старость,
И силы совсем нет уж жить,
И ищешь своё продолжение
Со словом «Прекрасная жизнь».
Потом настоящий пик разума:
Зачем я родился и жил?
И мимо у дома проходит
«Прекрасная всё-таки жизнь».
Потом – а потом, всем известно,
Приходит другая волна,
Другое у ней продолжение —
Пора уходить в небеса.

30.10.2018

Не скупитесь на любовь

Не скупитесь на любовь к своим детям:

Им порой не хватает её,

Ведь потом им присуща ревность,

А с ней жить, знаете, так нелегко.

Не скупитесь на любовь к своим милым,

Не лишайте их верной любви,

И в награду вернётся преданность —

Получи её и храни.

Не скупитесь на любовь и к родителям:

Они всё отдают только вам,

Их поймите и будьте отзывчивы.

Это долг наш, решать о нём нам.

Не скупитесь на любовь к своим предкам:

Они вас помогли сотворить,

Помогли вам на свет появиться

И узнать, что на свете есть жизнь.

Не скупитесь на любовь просто к людям:

Среди них вам приходится жить.

Может быть, они разные очень,

Но старайтесь вы им угодить.

Не скупитесь на любовь и к Отчизне:

Вас она приняла под крыло,

Дом дала, хлеб насущный, работу,

Чтобы в жизни жилось хорошо.

Не скупитесь на любовь к самой жизни:

Она нам не просто дана.
И ещё она так прекрасна,
И у всех она только одна.

16.12.2018

Я пишу о добре, призываю

Засыпаю сейчас, засыпаю,
Так хочу отдохнуть от забот
От мирских, бытовых и суетных,
Чтоб потом встать, сказать: «Я готов!
К дню большому, где дел очень много —
Трудных, добрых, но нужных как хлеб.
И решений принять важных следует,
Как достойно прожить день без бед».
Да, желание совсем не простое
И, к нему чтоб достойно прийти,
Надо делать степенно всё, правильно,
Не забыть про добро, с ним идти.
Как же, как же вы все улыбнётесь.
О каком ты добре говоришь?
Ведь сейчас его так очень мало.
А о нём ты твердишь и твердишь.
Я пишу о добре, призываю
И других делать только добро,
А иначе погибнем мы скоро,
На земле будет править лишь зло.
Будьте рядом со мной, и не только,
Не стесняйтесь, дарите добро
В день хотя бы одно, можно больше.
Вам добром возвернётся оно.
Знай, на свете всегда возвращается

Всё к тому, от чего ты ушёл.
Помнить надо: «Земля наша круглая.
Так зачем на неё ты пришёл?»

03.12.2018

Окошко

Посмотри сегодня в окошки,
Сколько их много в доме твоём,
И у каждого собрано взглядов,
Сколько денег в кармане большом.
Вы не верите – день отведите,
За собой посчитайте свой взгляд.
Вы поймёте, права я, и только.
Это целый истории клад.
Взглядов клад, очень добрых, надёжных
Взглядов трепетных, также простых.
Взглядов, может быть, даже любовных,
Провожающих взглядов, родных.
Также взглядов обычных, невзрачных,
Взглядов ищущих, также живых,
Взглядов, может быть, даже встречающих,
Остающихся взглядов, чужих.
Подойду и сегодня к окошку.
Что, окошко, ты ловишь мой взгляд?
Я тебе улыбаюсь немножко
И беседу веду невпопад.
А ты, знаешь, ещё не сказала,
Я тебе не поведала то,
Что ты можешь исчезнуть внезапно,
Ведь твоё тело всё лишь стекло.
А оно и разбиться вдруг может,

И исчезнут все взгляды тогда,
Жизнь твоя прекратится внезапно
И наступит другая пора.
Пора взглядов уже вовсе новых,
О которых сложу я стихи.
А пока я живу, обещаю
За тобою порядок блюсти.

29.11.2018

Я прошу сегодня Бога...

Я прошу сегодня Бога
Крылья дать мне в ту дорогу,
Где живёт одно добро,
А ещё уют, тепло.

Я прошу сегодня Бога
Крылья дать мне в ту дорогу,
Где царит одна лишь правда,
С ней везде и всюду сказка.

Я прошу сегодня Бога
Крылья дать мне в ту дорогу,
Где ложь, зависть, с ними месть
Не затронули б мне честь.

Я прошу сегодня Бога
Крылья дать мне в ту дорогу,
Где мир творчества живёт
И с ним книги переплёт.

Я прошу сегодня Бога
Крылья дать мне в ту дорогу,
Где любовь глубоких чувств
Окрылит, забудет грусть.

Я прошу сегодня Бога
Крылья дать мне в ту дорогу,
Где всем счастье через край
Льётся и ведёт нас в рай.

Я прошу сегодня Бога

Крылья дать мне в ту дорогу,
Где я с близкою семьёй,
С ней семейный наш покой.

Я прошу сегодня Бога
Крылья дать мне в ту дорогу,
Где здоровый образ жизни
И, конечно, труд посильный.
Я прошу сегодня Бога
Крылья дать мне в ту дорогу,
Где судьба не отвернётся,
А поможет, улыбнётся.
Я прошу сегодня Бога
Крылья дать мне в ту дорогу,
Где вы все и, впрочем, я
Чтили Бога бы всегда.

04.10.2018

Мои стихи просты, как правда

И днём и ночью меня мысли
Опять преследуют, опять.
И я хочу писать стихи вам,
Чтоб вы смогли меня понять.
Вы – мои судьи, люди – друзья,
Вся моя близкая родня,
И кто вдохнул дословно строки,
Не осуждайте строго уж меня.
Они с любовью, с теплотою
Написаны для тех, чей дух высок,
Чьё сердце с жизнью очень близко,
В ком вызывает стих восторг.
Мои стихи просты, как правда,
Из жизни взята каждая строка,
Язык стихов доступен и понятен,
И речь моя – открытая душа.
Действительно, душа вся нараспашку,
Стеснений нет, а значит, и пишу,
Что мне на ум приходит и на сердце,
До сердца и души я вашей довожу.
Прочтите и скажите, не скрывайте
Своих чувств по отношению ко мне.
Я поэтесса только начинающая,
А значит, есть чему учиться мне извне.
Извне, из мира, и из жизни,

И из того, как я живу сейчас,
Какая доля выпала в судьбе на годы жизни
И как бывает трудно мне подчас.

Мне кажется, любой из нас живущий
Проходит испытание своё,
Но только выразить в стихах он так не может,
Да и не каждому стихи писать дано.
Я говорю всем, повторять не уставая,
Спасибо! Даже низкий вам поклон,
Что взяли в руки мою книгу со стихами
И прочитали мой душевный том!

3.12.2018

Георгий Бурцев

Георгий Иванович Бурцев родился 25 ноября 1950 года в городе Холмске Сахалинской области. Служил. Учился. Работал мастером на стройке. Главным инженером в театре. Редактировал газеты. Написал много песен к театральным постановкам. Преподавал в школе. Участвовал во многих литературных конкурсах. Занимал призовые места. Состоит в Союзе журналистов и писателей. Сейчас на пенсии. Проживает в Москве.

Исход

Барражируют эмкаэсы
Над поверхностью нашей Земли,
Трёхступенчатые экспрессы
Ждут команды на поиск вдали
Обиталищ. А нам астрономы
Нарекли непреложный шанс,
Утверждают научно, что мы
Пилигримы с планеты Марс.
Я не против, возможно очень...
Что с Нибиру мы, с Марса ли...
Только сердцу тревожно точно —
Как мне быть без моей-то Земли?
Без камчатской рассветной рани,
Без Курил, над которыми дым,
Голубичных сопок Армани,
Без родных сахалинских гаваней,
Где когда-то бывал молодым.
Не осилить мне нынешней прыти...
Я не космополит. И не плюс
Я поставлю себе. Вы... летите...
Хоть на Сириус, хоть на Юпитер,
Извините, я здесь остаюсь.

Мой Сахалин

Мне снился ласковый дельфин,
А может, вовсе не дельфин...
Он словно выплыл из глубин.
На сотни вёрст огромен, длинн,
Лесист, холмистый, без равнин
До Адо-Тымовских долин,
Из самых разных древесин,
От ёлок Глена нежно синь,
В рассветной рани чуден, дивн,
Прекрасен, свеж – куда ни кинь,
Из феерических былин.
Родной мой остров Сахалин.

Курилы

Сброшен с кнехта трос швартовый,
Тотчас тянет океан,
Вот исчез в ночи фартовый
И рыбацкий Шикотан.
В понедельник не годится
Отшвартовываться прочь,
В соблюдение традиций
Мы уходим в море в ночь.
Лишь полвахты одолели,
Курсом в северный поход,
На востоке заалели
Море, воздух, небосвод.
Потянулись и поплыли,
Различимые едва,
Слева дымные Курилы —
Мне родные острова.
Весь в дыму Онекотан,
Небольшой Шиашкотан,
И Кетой, и Ушишир,
И большой Парамушир.
За штурвалом соответствуй,
Не зевай, вперёд смотри.
У меня в порту невеста.
У старпома их аж три.
Вот плывёт навстречу льдина

Обойдём её в обход.
Если мы её не минем,
Нам винты она побьёт.
Вон рогатая морская
Мина прямо к нам плывёт.
Вправо руль, и пропускаем —
Рановато нам под лёд.

Где таинственный Уруп,
И такой же Итуруп,
Полный рыбой Кунашир
И большой Парамушир.
Я от севера до юга
Побывал на всех из них.
Расстоянье друг от друга —
Там немного миль морских.
В русском сердце моремана
И в душе своей ношу
От – на юге – Шикотана,
До – на севере – Шумшу.

Град Петра

В поднебесье синем
Звёздные ветра,
Вздыбилась Россия,
Словно конь Петра.
Воссияли лица
Из станиц:
«Вона где столица —
У морских границ!»
За поход – Виктория,
Крест за кровь.
А в конце истории —
Вновь любовь.
В ней тебе
И браво,
И ура!
По судьбе
И слава,
Град Петра!
Супостатов много,
А героев – свет.
Тяжела дорога
У больших побед.
У героев разных
Из былин.
За голубоглазых

Катерин!!!
За поход – Виктория!
Крест за кровь!
А в конце истории —
Вновь любовь.
В ней тебе
И bravo

От подруг,
По судьбе
И слава,
Петербург!
Где туманы плыли
Пеленой густой.
Встал на шпиле
Ангел золотой!
Как напоминанье
В память лет,
Череды страданий
И побед!
Перенесший голод
Лютой из блокад,
Величайший город
Ленинград!
Ни огню, ни холоду
Не посеять страх.
Это имя городу
Будет жить в веках!

Прерванное интервью

Было задумано как роман

1

Звонок на станцию скорой помощи поступил на закате солнца. Карета приехала через двенадцать минут. Клиенту сделали укол. Увезли в больницу. Наступило облегчение. На третий день он обратился к докторам с просьбой, чтобы ему позволили работать. Разрешили. Супруга привезла ему тетради. Но правая рука упорно не слушалась. Он вновь перешёл на работу левой, но это тоже доставляло немалые трудности. И вот так, не написав ни одной строчки, на следующий день он попросил в палату телефон. Ему принесли. Он набрал номер.

– Здравствуй, Сева. Слушай. Ты помнишь мужичка, который в войну и после войны добивался встречи со мной?

– Здравствуйте, Лев Захарович. Если мне не изменяет память, Буров его фамилия. Да, Иван Буров. А чего вы о нём вспомнили?

– Сделай доброе дело – отыщи его и сообщи мне его адрес.

– Сделаем. Найдём. Доставим.

– Нет-нет, доставлять не надо. Только адрес. И всё.

– Хорошо. Будет сделано.

Поиски были нескорыми. Только через месяц Ивана Бу-
рова нашли. Он трудился ремонтником локомотивов в мест-
ном железнодорожном депо на далёком Сахалине. Его ото-
рвал от работы оперуполномоченный по городу и порту
Холмску.

– Гражданин... Э-э... Товарищ Буров?

– Так точно.

– Вами интересуется Москва. Вот вам письмо. Распиши-
тесь.

Иван поставил подпись, взял дрожащими руками конверт,
сложил его вдвое и попытался вложить его в нагрудный кар-
ман спецовки, потом свернул его ещё раз и благополучно су-
нул в карман.

Отправился к начальнику депо. Оформил отпуск. Купил
самый дешёвый билет на пароход. Через три дня высадился
во Владивостоке. Купил билет на поезд в плацкартном ваго-
не. В дороге через каждые три-четыре станции в вагон вхо-
дили калеки-фронтовики кто с гармошкой, кто с балалайкой,
а кто просто просил подаяние. Поезд тащился медленно. Но
через две недели Иван ступил на перрон Казанского вокзала.
Здесь с удивлением отметил, что на перроне не пахло уголь-
ным дымом. Он обернулся. И с тем же удивлением заметил,
что во главе поезда был не паровоз, а совершенно иной ло-
комотив. Он не поленился, подошёл к локомотиву и спросил
машиниста:

– Слушай, а я чего-то не понял: от Владивостока нас тащил паровоз, а тут гляжу – другая машина.

– Электровоз, – ответил машинист.

– А с какой станции пошла другая тяга?

– С Омска. А ты что, паровозник?

– Да, у нас паровозы.

– Где это у вас?

– На Сахалине.

– И что, у вас там железная дорога есть?

– Есть. Японская. Узкоколейная.

– Чудеса. Не знал. Так ты машинист или кочегар?

– Нет. В депо работаю, ремонтником по паровозам.

– А сюда чего прибыл?

– По делам.

– Что за дела?

– Да мы задумали построить у себя круговорот для разворота локомотива.

– Чудно. А то шёл бы к нам, нам тут нужны машинисты на новую тягу.

– Подумаю. Ну, бывай.

– Давай, удачи.

Буров вошёл в здание Казанского вокзала, оглянулся. Увидел надпись крупными буквами «Горсправка» и направился к ней.

– Девушка, где тут можно устроиться на неделю, но не шибко дорого?

– Поезжайте на ВДНХ. Там несколько гостиниц «Колос». С вас три рубля.

Иван спустился в метро. Добрался до ВДНХ и устроился в самую дешёвую колхозную гостиницу. На следующий день утром позвонил по указанному в письме телефону. Через час от гостиницы его подобрала присланная «Победа» и доставила по нужному адресу. Гостя встретила хозяйка.

– Елизавета Абрамовна, – представилась она и проводила его в кабинет хозяина.

Иван шагнул в кабинет и остановился в нерешительности. Он был ошеломлён. Прямо на него смотрел совершенно незнакомый инвалид, не соответствующий портретам. Он сидел в кресле-каталке, держа в левой руке трость. Иван прокашлялся.

– Лев Захарович? – Он подошёл к инвалиду и протянул к нему обе руки.

– Здравствуйте, Иван Леонтьевич. – Хозяин сидел в кресле-каталке. Протянул левую руку. – Это я.

– Здравствуйте, Лев Захарович.

– Как добрались?

– Три дня пароходом и две недели паровозом. Устроился в гостиницу возле ВДНХ.

– А как вас занесло на Сахалин? По вербовке?

– В сорок восьмом после письма к вам меня вызвали и предложили поехать на освоение новых территорий в добровольно-принудительном порядке.

– Ну что ты сделаешь, у нас хватает дуболомов. Заставь дурака богу молиться, так он себе весь лоб расшибёт. Я сам-то не мог тогда физически уделить вам времени. Да, тогда всех ходяков проверяли до седьмого колена. А у вас брат... Сами понимаете... А кругом разруха. Мы все в ту пору жили в особом режиме. А вы тогда хотели что-то сообщить?

– Нет. Задумал написать книгу и очень хотел с вами поговорить.

– А вы разве писатель?

– Мне так думается.

– Ваня, дорогой, извините, Иван Леонтьевич, думать не возбраняется. Но для писательства должны быть данные. Вы уверены, что они у вас есть? Пушкин был поэтом, Лермонтов – поэт, Виктор Гюго – поэт, да все мало-мальски известные писатели прежде всего поэты. Как у вас с этим?

– Пишу.

– Да? А ну выделите.

– Ну, вот, к примеру:

*В жизни мы торопим время,
А для тех, кого в ней нет,
Пролетают как мгновенье
Миллионы долгих лет.
Здесь жилец, а там свидетель
Не Луны и Солнца смен,
Не холерных лихолетий,
А великих перемен.*

*Там рождаются планеты
Из померкнувших светил,
А потом кочуют где-то
Без руля и без ветрил.
Как порожние корветы,
Позабитые людьми,
Ищут вновь тепла и света
В царстве холода и тьмы.*

– Философично. Но очень мрачно. Очень мрачно. Нет-нет, это никуда не годится. Плохо. Очень плохо.

– Почему?

– Ну, потому что очень близко касается меня. Вы что, не видите, во что я превратился? Неужели не видно? Я уже почти полтора года на пенсии. Правая нога и правая рука не действуют. Хожу только по дому, да и то с палочкой. А мне только шестьдесят четыре. Инсульт. И как следствие, парез, или, по-русски говоря, кондрашка. Не делай вид, что ты не видишь, что у меня одна щека висит, а другая натянута. После этого долго не живут. Так что мне осталось немного. А можете сочинить стихотворение в четыре строки?

– Есть вот такое.

*Капли росы спадают с лепестка,
Время неумолимо.
Прочти эпитафию. Ты лишь пока
Нынче проходишь мимо.*

– Плохо. Ещё хуже. Совсем плохо. Прямой намёк, что уже пора.

Он замолчал, с явным неудовольствием и сожалением поглядывая на гостя. Через минуту сказал:

– А ещё что-нибудь можно? Только жизнеутверждающее. Если можно. Давайте. Последняя, третья попытка.

– Ну, тогда вот это – я сочинил, когда окончил рабфак.

*Улетим, растаем
В небе сине-синем
Не вороньей стайей —
Журавлиным клином.
Доброе мы знаем,
Злое мы отринем,
Не вороньей стайей —
Журавлиным клином.
А пройдёт лет десять —
Путь проделав длинный,
Соберёмся вместе
Журавлиным клином.*

– Вот это другое дело. Совсем другое дело. Очень хорошо. А про эпитафии не надо писать. Да и про летучих голландцев. В общем, вы меня убедили. Теперь я вижу перед собой поэта. Начинаю верить, что вы потенциальный писатель. Но все писатели начинали с журналистики. Все наши писатели – бывшие фронтовики, военные корреспонденты.

– Я пытался пойти по этому пути, но меня не брали на фронт.

– Почему? Больной?

– Нет. У меня была бронь.

– Бронь? Ну ты силён. Извините. За что бронь?

– Да ничего, Лев Захарович. Обращайтесь ко мне на «ты».

Вы на двадцать один год старше меня. Вы ветеран Первой мировой, а потом ещё Гражданской и последней, Отечественной. Так что это нормально. Да, про бронь. Я перед самой войной сконструировал ветряк. А тут война. Вот меня и тормознули. Я написал вам письмо. Через две недели меня вызвали в военкомат, срочно включили в резерв и отправили под Ржев. Там меня вынесли с поля боя полудохлым. Правда, поспешили с отправкой похоронки. А потом, уже перед тем, как в яму опустить, кто-то из похоронной команды заметил, что у меня то ли рука, то ли нога дернулась. Срочно отнесли в госпиталь. Год провалялся. Выходили. За это время жена панихиду справила. А я пришёл. Скрюченный. Но живой. И вы тоже не терзайтесь и не падайте духом. Попустит. Но меня не оставляла идея написания книги о вас. Неслучайно же я остался живым. Значит, я должен создать в жизни что-то значительное.

– Почему обо мне? Писал бы о своих однополчанах, о сотрудниках.

– Обо всё этом уже много написано и будет написано ещё больше. На фронте я пробыл недолго. Практически писать

не о чем. Бытописанием заниматься не интересно. Зачем засорять книжный рынок? Надо писать о том, что может быть востребовано читателем. Вы ключевая фигура в государстве. Я помню, ещё в тридцать третьем, когда я учился на рабфаке, читал в «Правде», что в одном из боёв вы были ранены. То есть вы реально сражались за становление советской власти. И даже кровь пролили. К вам мысленно обращены взоры и внимание многих соотечественников. И потом, я убеждён, что вам есть что оставить о себе в истории страны. Ведь вы не были простым исполнителем указаний, и вам наверняка есть что сказать потомкам. Ну, и потом, я не ставлю себе задачу написать чернуху. Хочу найти светлые слова всему. И даже самому тёмному подобрать тона посветлее.

– Хитрец ты, однако. Ну, кое-что я, может быть, и приоткрою тебе. Но ведь ты никогда или в ближайшие тридцать, а то и все сорок лет не сможешь опубликовать. А если попытаешься, пострадаешь не только ты, но и твои близкие.

– Постараюсь быть максимально корректным. Разрешите задать вопрос.

– Валяй.

– Почему вы вдруг вспомнили обо мне?

– Ну, во-первых, вдруг у тебя была какая-то важная информация, не дошедшая до меня. А во-вторых, показалось, я ощутил, что у меня есть кое-какие долги и я могу их отдать.

– Но вы не ожидали, что это может быть потенциальный писатель?

– Не ожидал. Но, как ни странно, два месяца назад мне пришла в голову мысль написать что-то вроде мемуаров. И я даже взялся за бумагу и перо, но... Но руки не слушаются. Да и потом, если до товарища Сталина дойдёт информация, что я взялся за перо, вряд ли он обрадуется этому.

– А где и как вы познакомились с товарищем Сталиным?

– Ну, это произошло ещё в мае двадцатого. Тогда после ранения и лечения меня определили в штаб Южного фронта, где комиссаром был Лев Борисович Каменев, а членом военного совета – нарком Иосиф Виссарионович. Вот там мы и познакомились.

В кабинет вошла хозяйка.

– Что случилось? – обратился к ней Лев Захарович.

– Пришёл доктор.

– Хорошо. Мы заканчиваем. Сегодня. Иван, извини, Иван Леонтьевич, приходи завтра. Найдёшь?

– Найду. До завтра. Я позвоню часов в десять.

– Договорились.

2

Возвратившись к себе в двухместный гостиничный номер, Иван тотчас заметил нового жильца. Поздоровался. Представился. Переоделся. Достал из-под кровати свой чемоданчик. Взял тетрадь и карандаш и принялся писать. Сосед не давал о себе знать. Потом задвигался. Выставил на об-

щий стол вино и закуску. Принялся за ужин.

– Сосед, присоединяйся.

– Нет-нет. Спасибо. Приятного аппетита.

– Ну, как знаешь. А ты кто, Иван? Писатель? Или корреспондент?

– Нет. Ни тот и ни другой. Я тружусь мастером в паровозном депо. Сейчас работаю над проектом создания у нас поворотного круга. Вот, пишу обоснование.

– А чего его писать? Если надо, значит, надо строить и всё. Я вот тоже хочу кое-что построить, так что, по поводу каждого гвоздя писать всякую писанину? – Не получив ответа, опять дал о себе знать: – Может, меня научишь писать это самое основание? В долгу не останусь.

– Извини, Фёдор, у меня работы много. Проект секретный. Депо военное. Мне завтра надо быть в главке. Кровь из носу, я должен под проект выколотить деньги. Мне на работе сказали без денег не возвращаться. И упаси бог туда с запахом заявиться. Это стопроцентный провал. Там такие фишечки сидят – на хромой козе не подъедешь. А вот по завершении командировки, в последний день, когда всё будет решено, помогу. И расскажу, а может, даже и покажу.

– Ну, покажи хоть чертёж.

– Чертёж ушёл туда давным-давно. Он уже прошёл экспертизу. Сейчас проверяют смету. Смотрят, где можно подрубить, подсократить да поменьше дать. В стране разруха, каждая копейка торчит по стойке смирно.

Но сосед не унимался и, похоже, не собирался оставлять Ивана без внимания. Причём явно стремился набитьсья в друзья. Бубнил под руку, не давал сосредоточиться. Тогда Иван поднялся и ушёл в комнату отдыха, где сидели несколько человек и слушали радиолу «Рекорд». Но вскоре туда за явился Фёдор. С его появлением общий фон значительно повысился. Но самое интересное было в том, что за его демонстративным поведением просматривалась нарочитость. Он не столько был пьян, сколько хотел казаться таковым. Норовил подсесть поближе к Ивану и заглянуть в записи. В конце концов Иван встал и ушёл в туалет на этаже. Закрылся и продолжил работу. Через час вернулся в номер. Убрал тетрадь. Разобрал постель и завалился спать.

Рано утром встал, привёл себя в порядок. Оделся.

Сосед проснулся.

– Уходишь? – спросил он Ивана.

– Да. До вечера.

– Давай. Будь здоров.

Иван вытащил из-под кровати чемоданчик и покинул номер. На кассе попросил, чтобы ему сделали перерасчёт за непрожитые дни. Получил обратно деньги и ушёл к метро. Добрался до кольцевой. Сел в последний вагон на самое крайнее сиденье и принялся править написанное. Два часа ездил против часовой стрелки. Затем направился по адресу. По пути зашёл в столовую. Скромно и дёшево перекусил. Позвонил из ближайшей будки. После чего уверенно вошёл

в подъезд роскошного по сахалинским меркам дома.

3

– Здравствуйте, Лев Захарович. Я вчера и сегодня обдумывал ваши слова и сегодня спешу вас заверить, что не намерен задавать вопросы, содержащие гостайну. Ну, вот, к примеру: в народе есть устойчивое мнение, что благодаря лично вашему упорству по насильственному внедрению идеи колхозного землепользования в тридцатые годы в стране разразился жуткий голод.

– Не следует из меня делать гидру трёхголовую. В те годы я после окончания института красных профессоров был всего лишь главным редактором газеты «Правда». И вряд ли из-за этого обстоятельства или лично из-за меня земля решила не рожать хлеб. В газете рука об руку со мной работали талантливейшие журналисты Ильф и Петров, Кольцов, да и многие другие, уже известные тогда и ставшие потом выдающимися советскими писателями. Отдельные крестьяне-единоличники не могли поднять производство пшеницы до промышленного уровня, чтобы дать стране нужное количество зерна. Германская война, а следом и Гражданская война резко сократили в стране общее поголовье лошадей. Не надо забывать, что во многие семьи с войны вернулись инвалиды. А иные и вовсе потеряли кормильцев. Страна реально была разорена. Поэтому встал вопрос о закупке

сельскохозяйственной техники – тех самых ста тысяч тракторов, о которых мечтал Владимир Ильич Ленин. И было бы смешно пустить трактора на возделывание отдельных наделов. Это всё равно, что паровоз пустить вместо трамвая. Машина предназначена для работы на пахотных площадях, а не на приусадебных огородах. Нужно было прокормить не отдельных личностей, а всю страну. Понимаешь? Всю страну. Ведь непонимание отдельных крестьян, тех самых так называемых кулаков, доходило до того, что они избивали и убивали трактористов, тупо портили машины, курочили те самые трактора, предназначенные для общего пользования. Люди не понимали реального положения вещей. Необходимо было переломить вот это первобытное мышление. Да, приходилось наказывать. Да, сажали в лагеря. На первый взгляд это звучит недобро, но что делать. Безнаказанным это нельзя было оставлять. В лагерях приучали к коллективному труду. Приучали. Воспитывали. Меняли мышление. Жёстко. Порой жестоко. Ломка была тяжёлой. Нижняя часть общества была совершенно необразованна. Мышление косное, если не сказать – первобытное.

– В некоторых довольно широких интеллектуальных, общественных и политических кругах есть устойчивое мнение, что большевики совершили революцию в стране, где не было революционной ситуации.

– В девятьсот четвёртом году случилась Русско-японская война, Порт-Артур, Цусима, Чемульпо. Мне тогда было пят-

надцать лет. Но я пытался напроситься на войну. Меня не взяли. Посмеялись и выпроводили домой. А через десять лет на германском фронте я встретил дальнего родственника. Вот он как раз попал тогда в Порт-Артур. И в составе всей российской императорской группировки угодил в плен. И вот там с ним произошла забавная история. Там рядовые и офицеры сидели в отдельных камерах. Однажды японская охрана сделала выговор русским офицерам за то, что они замусорили камеру. Офицеры вызывающе ответили, что они офицеры и даже не подумают наводить в камере порядок. Тогда японцы привели им в камеру моего родственника, чтобы он навёл им порядок. А он сказал: сами насвинячили, сами и убирайте. Это была неслыханная дерзость. Наш русский офицер подскочил и ударил моего родственника. Японцы отправили солдата в карцер. Предварительно добавили ему пару тумачков. Когда вернулись на родину, его отправили в ссылку. А вот теперь скажи мне: была в России революционная ситуация? А теперь загляни в школьный учебник истории, обрати внимание на смену общественно-политических и экономических формаций в ряде европейских стран. Ты увидишь закономерность, которая могла привести любую страну Европы к революции, но привела к ней именно Россию. Почему? Да потому, что более свинского отношения к своему народу не встретил бы нигде.

– Ну, я могу согласиться с тем, что цари, аристократы, промышленники со всем правящим классом довели Россию

до революции. Но зачем большевики развязали Гражданскую войну?

– Такие мнения бытуют в кругах, очень далёких от России. Генерал Корнилов поднял мятеж с целью свержения Временного правительства. Керенский пресёк бунт, посадил всех генералов под арест. Ленин их освободил. Так они рванули на Дон, создали свою профессиональную армию и повели войну не против немцев и румын, а против своего народа. Ошиблись с направлением? Потеряли ориентацию во времени и пространстве? Растеряли профессионализм? Не правда ли, странно?

– А зачем насильно вербовали в красную армию военспецов?

– Ох, Иван, Иван, по тебе томится Магадан. Кстати, ты где родился?

– Родился на Урале. Вообще-то наш род московский. Бу-ровы были стрельцами. Но при всех царях получали назначение. Так мой прапрадед оказался там, на Урале. А вы москвич?

– Я тоже провинциал. Родился в Одессе. Учился. Работал конторщиком. Некоторое время учительствовал в домах. В одиннадцатом призвали на действительную. Служил в артиллерии. В семнадцатом на фронте примкнул к революции. В Гражданскую вышел в комиссары. И многому был свидетелем. И мне легко ответить на твой вопрос, так как до выхода на пенсию я являлся самым главным хранителем партий-

ных секретов. Половина общества на тот момент считала монархию пережитком, поэтому половина высших чинов царской армии добровольно вступила в Красную армию. Большинство из них были потомственными дворянами. Парадокс произошёл только с Деникиным. Он из крестьян. Из крепостных. Смешно, не правда ли? И что самое интересное, почитайте его мемуары, они в свободном доступе. Так вот, ни Деникин, ни Врангель, ни Колчак не воевали под знаменем монархии и Николая. От него, от Николая Романова, даже священники отвернулись, потому что он никогда не постился даже в самый великий пост. И не потрудился хотя бы возродить патриаршество. Человек с ленивой душой.

– Ну, бог с ним, с Николаем. Но почему монархию вы считаете пережитком?

– Да потому что уже в 1905 году монархия как неэффективный метод правления изжила себя. Вот возьмите Северные Американские штаты, Канаду, Францию, Германию, Португалию, Латинскую Америку. И многие другие, ставшие на иной путь развития. Эти государства немонархические, но развиваются динамично. Если бы наши монархи были бы действительно высокими интеллектуалами, радеющими о процветании страны, то вопрос об их нахождении у власти не поднимался бы. Но царя свергли его же приближённые генералы Рузский, Алексеев и Брусилов. Потому что Николай, этот русский полковник в подарочном звании английского фельдмаршала, абсолютно бездарным был стратегом.

Как только он отстранил от командования такого же полумного дядьку Николая Николаевича, его генералы перестали разрабатывать планы наступательных операций, а сосредоточились на выполнении монарших предначертаний. Тебе в четырнадцатом сколько было?

– Четыре.

– А мне двадцать пять. И служил я в артиллерии.

– Это серьёзно.

– Да, заканчивал обучение в специальной школе корабельных артиллеристов. Сначала мне присвоили бомбардира, а потом фейерверкера. По-сухопутному – младший унтер-офицер. По-нынешнему – сначала ефрейтор, потом уже младший сержант. А с началом германской войны на самом фронте. Там я посмотрелся на господ офицеров. Правда, те, которые на передовой, гибли наравне с солдатами. Снаряд, он же не разбирает погоны. Упал – взорвался. Крошило всех. Даже поручики и штабс-капитаны попадали под осколки. Много нашего брата полегло, и офицеров тоже. А по мере продолжения войны к нам прибывали вольнопёры уже из городских ребят. Некоторые из студентов. Они сначала были вольноопределяющимися, потом становились прапорами и росли дальше. В условиях войны военные училища не успевали готовить офицеров, так они росли уже в боях. Правда, была налажена ускоренная подготовка. С этими было больше понимания, не то что с теми. У вольнопёров было гонору значительно меньше. Правда, в Гражданскую многие из них

тоже попадали к белым.

– Видели царя?

– Довелось. Правда, не так, как тебя. Подальше. Он ближе двадцати вёрст не подходил к линии фронта. Однажды перешагнул эту линию. Так за этот подвиг генералы по-холопски поспешили преподнести ему Георгия первой степени. Но дело не в этом. Мы отклонились от главной темы. Сам царь Николай, вместо того чтобы заниматься интенсивным развитием страны, увлёкся развитием экстенсивным, то есть её расширением. В итоге влип в войну с Японией. Проиграл. С треском. Потерял флот. Затем точно так же влип в войну с Германией. Первый год войны обошёлся России в пять миллиардов рублей золотом. Второй год стоил уже одиннадцать миллиардов. А третий, предреволюционный год уже стоил ему восемнадцать миллиардов. То есть в перестрелку со своим родственником Вилли он угрохал почти два внешних долга. Или шестьдесят процентов государственной казны. Развинтилась и расхлябалась вся централизованная система продовольственного, боевого, вещевого и денежного снабжения. В зоне военных действий оказалась самая плодородная территория. В могилы полегла огромная масса россиян. Такая же часть превратилась в калек. Ещё год-полтора бездарного разорительного ведения войны, и России пришёл бы конец. То есть то, чего и хотела добиться Антанта. И это всё вы называете эффективным управлением?

– Неужели это стоило того, чтобы убить царскую семью?

– Иван Леонтьевич, звание Николай Кровавый он заработал не от большевиков. Уже при коронации его вступление на трон обагрилось кровью на Ходынке. Уже тогда поэт Константин Бальмонт написал замечательное стихотворение. Найди и прочитай.

– Читал.

– Молодец. Кроме того, в стране практиковались порки, погромы и расстрелы. Он сам при этом лично никого не ударил, не повесил и не расстрелял. Стрелял только по воронам. Но, извини, Гитлер тоже никого не убивал. И, тем не менее, Нюрнбергский процесс сурово осудил его правление. И его сподвижники были повешены. А скажи мне, пожалуйста, сколько стоит у нас вышка? То есть высшая мера?

– Сто тысяч.

– Правильно. Совершенно верно. Сто тысяч. Сто тысяч растраты или нецелевого расходования финансовых средств. А царь угрохал тридцать четыре миллиарда. Золотом. Сколько вышек он схлопотал?

– В пересчёте на золото – тридцать четыре тысячи.

– Совершенно верно. Тридцать четыре ведра одних только пуль. Без гильз. А вот теперь... А вот теперь... Я скажу тебе... Открою тебе государственную тайну... Открою... Так и быть... Открою... Но учти. Поклянись, что сохранишь её... Пятьдесят... Нет, многовато... Сорок пять... Нет, тоже много... Тридцать... Тридцать пять лет. Да, хотя бы тридцать пять лет. Клянёшься?

– Клянусь.

– Так вот. Слушай меня, дорогой. И запоминай. Никакого расстрела не было.

– Как это не было, если три человека клянутся, что стрелял именно он? И сам Юровский, и его подручные.

– Во-о-от, вот-вот. Три человека. Три! А когда три человека клянутся, что стрелял именно он и только он, значит... Что значит?

– Неужели никто?

– Да! Да! Правильно! Верно! Никто!

– А кто ж тогда стрелял?

– Да в том-то и дело, что вообще никто.

В этот момент в кабинет вошла хозяйка. Она остановилась, молча поглядывая то на одного, то на другого.

– Ничего не понимаю. Но кто-то же стрелял? – спросил Иван.

– Вот непонятливый!

– Извините, товарищи командиры, я прерву вашу беседу, – вмешалась наконец Елизавета Абрамовна. – Приехала медсестра. Уколы, процедуры...

– Хорошо, мы завтра продолжим, – сказал Лев Захарович. – Приходи завтра. Часиков в одиннадцать.

Иван простился и ушёл.

Спустившись в метро, он опять занялся конспектированием прошедшей беседы. Вышел на Комсомольской площади. Подошёл к будочке «Горсправки»:

– Девушка, как мне попасть в Ступино?

– Я вам напишу. Вот, пожалуйста. С вас три рубля.

Иван отправился на Павелецкий вокзал. Там купил билет на пригородный поезд, идущий в Ступино. В Михнево в вагон вошёл калека на деревянной культе. Заиграл на гармошке и двинулся по проходу. Иван бросил ему в шапку мелочь.

Спросил:

– Где ногу потерял?

– Под Ржевом.

– А в каком госпитале?

– В двухсот семьдесят седьмом.

– Ну, так мы с тобой почти однополчане. А помнишь медсестру Катеньку?

– А чего ж не помнить, конечно, помню. Она тогда замуж вышла за раненого лейтенанта. Но он недавно помер. Она осталась одна с дочуркой. В Ступино живёт. Можешь навестить. Адрес дать?

– Я помню.

– Ну, тогда бывай.

Они простились. Около полуночи Иван постучал в окно.

Хозяйка открыла дверь.

– Здравствуй, Катя. Хотел увидеть твоего Толю.

– Помер летом. Болел после ранения.

В окно постучали. Хозяйка пошла в сени и открыла дверь.

Было слышно разговор. Наконец они вошли оба.

– Здорово, Ваня. Узнаёшь?

– О-о-о! Василий. Узнаю. Приветствую. А я вот хотел Толю увидеть, да опоздал. Давай помянем.

– Некогда, Ваня. У меня дело. Мне нужен человек. Посто-
ять на васаре.

– Ты хочешь подломить магазин?

– Угадал.

– Вася. Я не тот человек. Если мы попадёмся, то у меня сорвётся командировка. Очень важное дело.

– Не дрейфь. Дело верное. Катюша, уговори его. Ты у меня в долгу.

– Ваня, сходи с ним. Постоишь. Дело пустяковое.

– Мне утром надо быть в Москве.

– Да будешь, будешь. Не тащить же мне Катю. У неё дочка.

– Ладно. Идём.

Они прошли по заснеженным улицам. Остановились возле сельского магазина. Подельники Василия сорвали замок и проникли внутрь. В это время появился милицейский наряд. Взломщиков взяли. Иван тоже угодил в участок. Ночь провёл в камере. Утром его вызвали на допрос.

– Как ты оказался в шайке? – задал вопрос следователь.

– Я случайно проходил мимо, ищу своего однополчанина.

– С Сахалина приехал? По какому делу?

– Мне надо быть утром в главке. Решаю строительный вопрос в нашем депо.

– Где остановился?

– Да нигде. Хотел остановиться у знакомого. Вместе лежали в одном госпитале. Да вот угодил.

– Когда приехал сюда?

– Да с последним пригородным.

– Покажи билет.

– Ой, билет, билет... Не дай бог выбросил... Билет... А, вот. Вроде бы он.

– Кого-нибудь знаешь из этих людей?

– Никого.

– В поезде кто-нибудь видел тебя?

– Да, один хромой, на деревянной культе. Он подсел в Михнево. А вышел перед Ступино.

– Ладно. Иди. Повезло тебе.

К вечеру он добрался до Москвы. Заночевал на вокзале в зале ожидания.

Утром позвонил на Грановского. Трубку поднял хозяин.

– Ты куда пропал, Иван?

– Извините, Лев Захарович. Вчера пришлось решать квартирный вопрос.

– Удалось?

– Почти.

– Приедешь?

– Да, я уже в вашем районе.

5

– Здравствуй, дорогой. А расскажи, как ты там живёшь на Сахалине?

– Да вот недавно оформил участок под строительство. Хочу поставить дом. Семья растёт.

– Чем занимаешься?

– Тружусь в паровозном депо. Мастером по ремонту.

– Ты перед войной изобрёл ветряной генератор. А сейчас что у тебя на очереди?

– Сейчас сделал проект круговорота.

– А ты что-то окончил?

– Да, после службы поступил на рабфак, а в середине тридцатых окончил. Больше не удалось. Везде мне ставили в упрёк старшего брата.

– Ваня, дорогой Иван Леонтьевич. Ты пострадал не только из-за брата, но и из-за себя самого. Ты же нигде, ни в одной анкете не указывал, что твой старший брат Виталий, портупей-юнкер, ушёл с Деникиным на Запад.

– Мне в революцию было-то всего ничего – семь лет. В начале Гражданской – восемь, в конце – десять-одиннадцать. Брат был старшим. Я просто не знал, где он и что делает.

– Ваня, но в тридцать четвёртом ты получал от него пись-

мо из Парижа.

– Вообще-то письмо получала старшая сестра. Я не знал его почерка, не помнил его внешности. Кто писал, не знаю. Поэтому я ответа на это письмо не давал.

– Слава богу, догадался, что хотя бы этой глупости не совершил.

– В те годы я остался без родителей. Отца расстреляли какие-то военные. Я не различал, кто это были – красные или белые. Мать умерла позже. Я тогда стал беспризорным. В двадцать втором меня выловили и поместили в приют. После приюта я короткое время работал на железной дороге. Потом меня призвали на срочную службу. Под командованием Будённого громил басмачей в Туркестане. После демобилизации женился на такой же приютской. Опять работал на железной дороге. Потом война. Ранение. Госпиталь. Сахалин.

– Семья большая?

– Две дочки и пятеро пацанов.

– Ого. Ну, ты крепок.

– А у вас?

– Один сын. Но хилак, всё по госпиталям да по больницам.

– Что такое?

– Да как на фронте попал по болезни в госпиталь, так с тех пор из больниц не вылезает. Хорошо, что моя Лизавета Абрамовна – врач. Вот и заботится обо мне.

– Лев Захарович, позавчера мы с вами говорили о царской семье.

– Да. Так вот, никто царскую семью не расстреливал. Ленину царь нужен был живым, чтобы получить доступ к царскому золоту. А ещё к царским зарубежным вкладам. Это Троцкий имел задание от американских банкиров на убийство царя, чтобы вклады царя не были востребованы. Неслучайно потом в эмиграции Троцкий жил не в Штатах, а в Мексике. Не выполнил задание. Не оправдал доверия.

– И где же все эти годы пряталась семья Романовых?

– В надёжном месте. В приличных условиях. В одном из монастырей в средней полосе России. Но это тайна из разряда высших государственных секретов. Правда, сам Николай умер за год до войны. Для общего пользования информация однозначная – царь расстрелян вместе с семьёй. Всё. Так что ты даже не пытайся где-нибудь произнести или воспроизвести сказанное мной. Сразу пойдёшь по этапу.

– Обещаю и клянусь. Ни-ни и ни в коем разе. Лев Захарович, а чем была вызвана волна репрессий в армейской среде?

– Во-первых, барством высших чинов. Многие возомнили себя военной косточкой и новыми дворянами. Фанфаронство стало повсеместным явлением. Во-вторых, самые высшие из них были связаны с Троцким. Все его ставленники. Да, собственно, именно Троцкий и носился с идеей взрастить у нас эту самую военную кость. А я эту белую кость видел ещё в германскую. Он смотрит на тебя стеклянным взо-

ром, как на мебель. Так вот, в-третьих, наши советские офицеры сами, как базарные бабы, писали друг на друга доносы. Кто ради карьеры, из зависти, кто ради квартиры, а кто ради оклада. Всё это говорит о том, что многие из них были откровенными чинодралами и карьеристами. Многих, правда, освободили в начале войны.

– Лев Захарович, но ведь в те же годы вы тоже были генералом.

– Я Гражданскую закончил дивизионным комиссаром. Правда, уже в эту войну после ряда событий меня сделали генералом. Но я никогда не рвался в большие чины. У меня всё получилось как-то само собой.

– Кто из генералов вам наиболее симпатичен?

– Горбатов. И, пожалуй, Рокоссовский.

– А кто, наоборот, в минусе?

– Тухачевский.

– Почему? За что?

– Профессиональный военный. Блестяще образован. Красив. Статен. Но тоже со стеклянным взором. И всюду со своими словечками: «Слово офицера», «Честь имею». Вот ты писатель, Иван Леонтьевич, скажи мне на милость, разъясни мне, что означают эти слова? Нечто слово поручика дороже слова бомбардира? Почему? На сколько? Или у того же поручика чести более, чем у фейерверкера? На сколько? На картуз? На ведро? Или, может, на мешок? Полная ерунда. И вот Тухачевский, пользуясь служебным положением и мни-

мым увеличенным объёмом чести, развёл гарем. Причём демонстративно. Без тени смущения и стеснения. Очень непорядочным был человеком. Нечистоплотный в личной жизни. Да и по службе – тоже. Кстати, по происхождению он сын кухарки, которая служила у генерала. Бастард. Мнил о себе премного. Вынашивал бонапартистский заговор. Многих подбил и склонил на свою сторону. Только один из них – Гамарник застрелился. Вовремя сообразил. Поэтому был похоронен с почётом. А Михаил был очень самоуверенным и чрезвычайно высокого мнения о себе. А на деле проиграл польскую кампанию. А всё винил кого-то. Все вокруг него виноваты, кроме него самого. А вот насчёт военного таланта, то здесь есть немало сомнений. По-моему, он был талантливым скрипичным мастером.

– Это шутка?

– Какие шутки, Иван Леонтьевич? Шутки прочь. Никаких шуток. Он действительно имел такое хобби. Делал скрипки. Скрипачом был его брат. Сам-то Михаил тоже поскрипывал, но как-то не очень. С досады однажды расколотил свою скрипку. Но одумался. Отремонтировал. Вот и пристрастился строгать скрипочки.

– Лев Захарович, есть мнение, что у всех полковников и генералов, призванных на службу большевиками, семьи были взяты заложниками.

– Злобное вражеское враньё. Ничего подобного не было. Полторы тысячи генералов, несколько десятков тысяч

офицеров служили абсолютно добровольно. Так как считали монархию пережитком Средневековья. Как и где можно несколько десятков тысяч семей из трёх, четырёх и пяти человек держать в заложниках? Полный бред. Где взять столько охранников для того, чтобы такую массу держать под арестом? Если в одной только Москве каждый месяц шло формирование добровольцев то на Юденича, то на Колчака, то на Деникина или на Врангеля.

– Лев Захарович, но ведь правда же, что комиссары были призваны для того, чтобы держать под контролем тех же самых военспецов.

– Вот это правда. Но не вся. А всего лишь отчасти. Отчасти. Начнём с того, что институт комиссаров существовал во Франции, в годы их революции и гражданской войны. Комиссары существовали в гражданской войне между севером и югом в Америке. Но главная их задача в Красной армии заключалась в мотивации и поддержании боевого духа в войсках, в поддержании приемлемого уровня дисциплины, в строгом соблюдении устава, должного уровня подчинения и субординации. А также для организации культурного досуга военнослужащих.

В кабинет вошла хозяйка.

– Лёва. Пришёл врач.

– Хорошо. Я иду. А ты, Иван Леонтьевич, приходи завтра. А то остался бы у нас. Места хватит. И у нас ты не влипнешь в какую-нибудь историю. Уж пару недель мы тебя потерпим.

Правда, Лиза?

– Конечно. И правда, Иван Леонтьевич, остались бы.

– Спасибо. Но очень не хочется стеснять вас.

– Иван Леонтьевич, я понимаю, там какие-то однополчане, сослуживцы, и я тоже не смею настаивать. Но подумай. У нас места хватит.

– Спасибо. Но в крайнем случае я непременно воспользуюсь вашим гостеприимством.

– Ох, Иван, Иван, ты слишком щепетильный. Ну ладно, до завтра.

6

Спустившись в метро, Иван опять занялся конспектированием. Когда закончил, уехал на вокзал. Ночевал в комнате отдыха. Утром встал рано. Привёл себя в порядок. Вышел на Комсомольскую площадь. Проходя мимо «Гор-справки», заглянул в окошко.

– Девушка, а вас как зовут?

– Аня. С вас три рубля.

Иван подал десять.

– На сдачу скажите, пожалуйста: вы не замужем, и вечером свободны?

– Свободна.

Его окликнул водитель «Победы»:

– Мужчина, кончай клинья бить к молодой, поехали.

– Спасибо. Но у меня режим экономии.

– Я много не возьму. Куда поедем?

– На Грановского.

– Ну, вот и поехали. Поехали. Тебя ведь Ваней зовут?

Иван оторопел.

– Что, не узнал? Не узнал. Ну да, я поправился. Почти толстый. А я тебя сразу узнал. Я ведь в сорок втором у вас на позиции заночевал. Одиннадцать лет прошло. Ты не изменился.

– Э. Погоди-погоди. Паша?

– Ну наконец-то! Здорово. Рад увидеть тебя живым.

– И я тоже. Здорово. Да, немногие вернулись с поля...

Твоя машина?

– Конечно нет. Я вожу одного начальника. Но подхалтуриваю малость. Ты откуда приехал? Издалека?

– С Сахалина.

– Ого. Занесло тебя, однако. А здесь-то чего?

– В главке пытаюсь выбить деньги на строительство круговорота в паровозном депо.

– Войну на Сахалине закончил?

– Нет. Вот тогда, на следующий же день, там, под Ржевом.

– А я так всю войну за баранкой провёл до самого Берлина. Начинал с полуторки, а потом уже были «Виллисы», «Доджи», и «Студибекеры». А, чёрт! Откуда ты взялась, бабка! Чёрт! – Он достал бутылку водки и сделал несколько глотков.

Подошёл милиционер.

– Прошу проследовать за мной.

– Я не могу. У меня времени нет. Я везу большого человека к своему начальнику. И потом, я выпивши.

– Хорошо, хорошо. Если всё так, как есть, то вы продолжите ехать. Но мы должны всё зафиксировать, составить протокол.

– Я тоже должен с вами? – спросил Иван.

– Конечно, вы же свидетель.

– Это не будет очень долго?

– Не беспокойтесь. Мы уложимся в пятнадцать минут.

– Давайте я сяду за руль. – Милиционер потеснил водителя. Иван пересел на заднее сиденье. Через несколько минут они остановились у опорного пункта. Вышли. Поднялись на крыльцо. Прошли по коридору. Вошли в кабинет.

Водителю предложили дыхнуть.

– Дыхни. Выпивал?

– Да. Было. Вчера и сегодня опохмелился чуток.

– Хорошо, – сказал милиционер. – Вы ничего не желаете добавить? – Он повернулся к Ивану. И закончил: – Хорошо, что бабка даже сознание не потеряла. Вот здесь подпишите. Ну, вот и всё. Счастливого пути. Удачи. Но учтите, что в правительстве идёт разговор о законе, по которому наличие алкоголя в организме будет не смягчающим, а усугубляющим фактором при рассмотрении деталей дорожно-транспортных происшествий и выяснении меры виновности води-

теля. Всё. Вы свободны.

7

– У тебя опять что-то случилось?

– Ехал на такси и попал в дорожно-транспортное происшествие.

– А зачем такси? Что это тебя так понесло? Спешил? Опаздывал?

– Да водитель попался однополчанин. Лев Захарович, а как произошёл ваш переход от дивизионного комиссара к работе в Кремле?

– Поздней осенью, точнее в декабре двадцатого, меня от родной сорок шестой дивизии избрали делегатом на Вторую партийную конференцию четвёртой армии. Оттуда делегировали на Восьмой Всероссийский съезд Советов. Там меня заметил товарищ Смилга Ивар Тенисович, бывший тогда начальником главного политуправления РВС. Там и я попал в обойму первых партийно-советских работников.

– А я думал, что это товарищ Сталин вас завербовал. Оказывается, нет.

– Да, по окончании съезда в Москве меня оставил Смилга. Он же меня определил в секретариат Совнаркома. А уже оттуда дальше меня повёл Иосиф Виссарионович. Но это потому, что началась борьба с оппортунистами, то есть с Троцким. И я сразу же принял сторону товарища Сталина. А

Смилга защищал Троцкого. И его вскоре уволили и выслали. Там, в Сибири, он осознал ошибку. Покаялся. Его вернули. Даже в Совнарком. Но грянуло убийство Кирова, потянулись аресты. Смилга попал под грабли. И умер... В тюрьме.

– Не могли бы вы пролить свет на тайну смерти организатора Первой конной армии Бориса Думенко?

– Не было такого организатора.

– Как это не было?

– А так. Первым организатором был Егоров.

– Это который потом стал маршалом?

– Да. Но организация Конной армии стала ответом на то, что такую армию сколотил белый генерал Мамонтов, противостоящий нашему фронту.

– Но первым-то командующим Красной конармии был всё же Думенко?

– Это миф, сочинённый досужими людьми. Думенко мог стать командующим. Но не стал.

– Почему?

– Да потому, что для этого надо было быть коммунистом. Вот ты был на фронте, идя в бой писал: «Прошу считать меня коммунистом»?

– Писал.

– Ну вот, видишь, значит, ты при не очень хорошем происхождении человек новой социалистической формации. А Думенко был из низов, из простых крестьян, но при всех своих несравненных талантах был неуправляемым анархи-

стом, любил напялить на себя погоны есаула, хотя дослужился только до вахмистра. А по сути, был таким же бандитом, как и Никифор Григорьев, которого порешил Махно. И с ним, с Думенко, всё было не лучше. Для того чтобы его воинскому формированию придать мало-мальски приемлемый для Красной Армии вид, ему прислали комиссара, такого же молодого грузина по фамилии Ми-келадзе. Так его убили пьяные штабисты Думенко. Застрелили из револьвера в голову, а потом ещё изрубили. Как всякий нормальный человек и командир, Думенко обязан был расследовать это преступление и хоть кому-то объявить выговор. Но он даже ухом не повёл. Вообще никак не отреагировал. Словно ничего не произошло. Ну, подумаешь, комиссара грохнули. За это, следуя закону круговой поруки, Думенко был арестован вместе со своим штабом и расстрелян под Ростовом. Вот и вся история о Думенко. Кстати, вёл следствие и судил его Смилга.

– Что за фамилия? Кто он по национальности?

– Коммунист.

– Понял. Спасибо. Вы меня просветили. Лев Захарович, вам довелось поработать в канцелярии Совнаркома, личным секретарём, ассистентом товарища Сталина, в Раб-крине, главным редактором газеты «Правда», наркомом госконтроля, главным комиссаром и начальником Политуправления Рабоче-крестьянской Красной армии и флота – в какой из этих должностей вы чувствовали, что приносите наиболь-

шую пользу государству?

– Я бы сказал так: везде я чувствовал необходимость работать не покладая рук; на всех должностях я работал самоотверженно, честно и с полной отдачей.

– Хорошо. Тогда я поставлю вопрос так: в стране была ЧК, ГПУ, НКВД, Генеральная прокуратура – зачем нужна была ещё Рабкрин, а в дальнейшем Наркомат госконтроля?

– ЧК, ГПУ и МГБ занимались государственной безопасностью. НКВД – это милиция. Генпрокуратура осуществляет надзор за соблюдением законности. А НКГК следит за порядком во всём. Полномочия необычайно широкие. При наличии предварительной информации о каком-либо отклонении от нормы я мог вмешаться в работу любой структуры, любого Наркомата. Недостатки, отступления, предательства, нарушения, перехлёсты, перегибы, злоупотребления, вредительство и случаи коррупции бывали во всех структурах. В Наркомате госконтроля – никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.